

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 9

Часть первая

ПРОЩАНИЕ С УТОПИЕЙ 19

«Так жить нельзя» 21

Наследник 36

«Рон и Майкл», саммит в Женеве 49

В поисках «другого социализма» 57

«Удержать собаку на поводке» 69

Падший ангел 77

«Ящик Пандоры» 83

Россия выходит из СССР 97

Часть вторая

ПОЖАР 103

Союз с «хунтой» 105

Испытание Вильнюсом 112

Выиграть время 118

«Персональное дело коммуниста Горбачева» 128

Перепрыгнуть пропасть в два прыжка 133

Грозное предупреждение 143

«Есть такая партия!» Какая?» 147

Унижение в Лондоне 151

Поделить Кремль 158

Роковой август 162

«Холостой» путч 165

Часть третья

СПУСК ФЛАГА 187

Отречение 189

«1917-й наоборот» 193

«Два медведя в одной берлоге» 199

От путча до пуши 219

Осада Кремля 241

Дальше без меня 261

ЭПИЛОГ? 271

Моим родителям.

Моей семье.

Моим друзьям.

ВСТУПЛЕНИЕ

По привычке, приобретенной вместе с моей должностью пресс-секретаря, перед тем как войти в кабинет президента в Кремле, который на жаргоне президентской охраны назывался «Высота», я взглянул на часы. Было 17.00 25 декабря 1991 года. Ровно через два часа Михаилу Сергеевичу Горбачеву предстояло покинуть этот кабинет и перейти в оборудованную по соседству телевизионную студию, чтобы зачитать свое заявление об отставке с поста президента государства, прекращавшего свое существование.

За оставшееся время он решил еще раз в моем присутствии перечитать вслух текст своего телевизионного обращения. Я предложил несколько стилистических поправок, которые он принял. Так я стал первым привилегированным слушателем заявления об отставке первого и последнего президента СССР. Эта роль меня не радовала.

Первоначально Горбачев выбрал датой своей отставки 24 декабря. Узнав об этом, я взмолил-

ся: «Прошу вас, Михаил Сергеевич, не делайте этого вечером 24-го. Для миллионов католиков во всем мире 24-е — это сочельник, канун Рождества, едва ли не главный семейный праздник, повод для встреч разных поколений — от внуков до дедушек и бабушек, приход Деда Мороза с подарками, в общем, торжество. И тут, как снег на голову, драматическая новость о вашей отставке, конец советской истории, потрясение мировой политики. Все забудут о Рождестве Христовом и уткнутся в телевизоры. Ради Бога (в данном случае ссылка на Всевышнего была уместной), не в этот вечер».

Родившийся в казацкой станице на российском Юге будущий генсек КПСС, хотя и крещенный бабушкой украдкой от его родителей, был не обязан знать на память даты католического календаря. Однако, несмотря на это, он принял во внимание мои аргументы: «Хорошо. Перенесем это на 25-е. Но не позже». Так мне удалось продлить на один день историю Советского государства, которое 30 декабря должно было отметить 69 лет со дня своего рождения...

Когда читавший свой текст Горбачев дошел примерно до середины, неожиданно зазвонил один из телефонов, стоявших на столике рядом с ним (время мобильных телефонов еще не наступило). Звонила Раиса Максимовна. Я встал, чтобы выйти из кабинета, но Михаил Сергеевич жестом велел мне остаться. Явно взволнованная

Раиса Максимовна говорила так громко, что все было слышно. Она возмущенно жаловалась мужу на то, что комендант, присланный новой администрацией, явившись на дачу и не дожидаясь официальной отставки союзного президента, потребовал, чтобы семья Горбачевых «освободила служебное помещение» в ближайшие 24 часа.

Лицо Горбачева побагровело. Он постарался успокоить жену и велел передать трубку ретивому коменданту. «Прекратите беспредел, это же семейный дом, там люди живут, — сказал он. — Хотите, чтобы я прессе рассказал о ваших замашках?» Комендант, еще сутки назад служивший другим начальникам, в ожидании более конкретных указаний дал задний ход.

Горбачев, внешне успокоившись, вернулся к своему тексту. Но перед тем, как продолжить чтение, он вдруг поднял голову и сказал мне: «А знаешь, Андрей, то, что они себя по отношению ко мне ведут таким образом, убеждает меня в том, что я прав».

Эта фраза странно прозвучала из уст человека, готовившегося к тому, чтобы объявить всему миру о своем политическом поражении. Но интонация, с которой он ее произнес, явно отражала искреннее убеждение. Правда, может быть, она была для него способом восстановить внутреннее равновесие.

Он с нажимом прочитал вслух очередной абзац: «Жизненно важным мне представляется

сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будут похоронены». Слушая его, я сказал себе: «Российский политик, который включает такую фразу в свое политическое завещание, общается с Историей. И именно ей доказывает свою правоту...»

Проведя во главе Советского государства неполных семь лет, М. С. Горбачев оставил собственную страну и остальной мир необратимо измененными. Два зарубежных историка — французский академик Элен Каррер д'Анкокс и оксфордский профессор Арчи Браун — почти одновременно опубликовали книги, посвященные перестройке и годовщине распада СССР с практически одинаковыми названиями. Одна называлась «Шесть лет, которые изменили мир», другая — «Семь лет, которые преобразовали мир».

Очевидно, что и в одном, и в другом случае авторы не устояли перед искушением провести прямую параллель между горбачевской перестройкой и большевистской революцией 1917 года, описанной в знаменитой книге американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

Даже если, как и положено всем историческим аналогиям, это сравнение «хромает»,

неоспорим тот факт, что история XX века останется навсегда отмечена как рождением Советского государства в результате русской революции в его начале, так и неожиданным распадом этого государства в его конце. Недаром другой британский историк Эрик Хобсбаум определяет рамки «короткого» политического XX века между 1917-м и 1989-м — годом падения Берлинской стены, за которым через два года последовало падение союзного Кремля.

Но как получилось, что вторая мировая сверхдержава, одна из основных победительниц во Второй мировой войне, страна, отправившая в космос Гагарина и первый спутник, безвозвратно исчезла с карты мира в то время, когда еще за несколько месяцев до ее распада этого не могли предвидеть ни ее собственные политические лидеры, ни мировые политики? Почему государство, рожденное потрясшей мир революцией и обещавшее своим гражданам и остальному человечеству «иной путь», оказалось на той «свалке истории», которую сулило своим конкурентам?

Почему советская политическая модель, позволившая стране победить отсталость и вторжение внешних врагов, оказалась неспособной выжить в условиях послевоенного мира и предложить эффективную формулу развития страны в условиях нового века?

Наконец, почему ни политическая система, ни союзное государство не пережили попытку «ис-

кусственного дыхания» в виде горбачевской перестройки, которая обещала дать «новый шанс» социалистическому идеалу и придать современный облик историческому объединению народов, унаследованному от тысячелетней истории?

Даже тридцать лет спустя после распада СССР нет удовлетворительного объяснения причин той «крупнейшей геополитической катастрофы XX века», пользуясь выражением Владимира Путина, которой стало исчезновение с географической карты и из мировой истории этого государства. Притом что недостатка в вариантах ответов нет. Скорее, их избыток. Все зависит от того, кто берется разрешить эту «загадку века».

Одни напирают на объективные причины и органичные пороки советской модели: архаичность репрессивного тоталитарного режима, склероз бюрократической системы, разорительный вес ВПК. Другие все списывают на не признававшую законы рынка административно-командную экономику, описывают тупиковый маршрут распределительной системы, порождавшей вечный дефицит, и наркотическую зависимость бюджета от продажи природных ресурсов и цен на нефть.

Не забывают упомянуть и мозаику многонационального государства, обрекавшую СССР на судьбу всех империй, развалившихся под ветрами мировых войн, антиколониальных движений и на-

ционализма, заполнившего вакуум, оставленный крахом идеологических утопий и антиутопий.

Особый отряд тех, кто украшает себя лаврами главных «могильщиков» СССР, составляют его внешние партнеры и конкуренты. Тут все зависит от того, кого слушать. В первом ряду — США и лично американский президент Рональд Рейган, якобы одолевший «империю зла» с помощью «загнавшей» советскую экономику гонки вооружений, напугавший Кремль программой «звездных войн» и подбивший саудовских шейхов обрушить цену на нефть, чтобы лишить советский бюджет финансовых поступлений.

Помимо американцев есть и другие кандидаты на титул «киллеров СССР». Бывшие афганские муджахеддины — нынешние талибаны — убеждают свою паству, что распад СССР — это кара Аллаха за вторжение неверных на земли ислама, что должно послужить предостережением всем готовым идти по их стопам.

Наряду с мусульманами напоминают о своей роли и католики. По мнению многих из них, именно польский папа Иоанн-Павел II, произнесший еще за десять лет до распада СССР свое знаменитое «Не бойтесь!», обращенное к миллионам верующих в странах Восточной Европы, вынес приговор и коммунистическим режимам в этих странах, и советскому «старшему брату».

Помимо этих геополитических доводов, объясняющих задним числом, что произошедшее с

Советским Союзом не могло не произойти, есть и масса версий, доказывающих, что распад СССР — это историческая случайность, роковое стечение обстоятельств. Его можно было избежать, если бы не заговор мировых «закулисных» сил, которым не смогли или не захотели противостоять руководители этой страны, возглавившие ее по воле случая. Начиная, естественно, с Горбачева. Одни обвиняют в нерешительности и отказе от применения силы для «спасения страны» президента СССР, другие в этом же винят путчистов августа 1991 года.

Среди субъективных моментов, вызвавших этот исторический катаклизм, называют вперемежку и капитулянтство тогдашнего руководства страны перед давлением Запада, и «неоправданный» вывод войск из Восточной Европы, и наивную веру в обещания западных лидеров не расширять НАТО на Восток. Есть в этом перечне и взорвавшие Союз внутривнутриполитические «мины», и среди них — такие разноплановые, как личный конфликт между Горбачевым и Ельциным, непродуманная антиалкогольная кампания и Чернобыль.

Некоторые, в том числе помощник Горбачева Черняев, считали, что путча и спровоцированного им распада страны можно было бы избежать, если бы Горбачев не уехал 4 августа из Москвы на две недели в Форос и довел до конца процедуру подписания нового Союзного договора.

По мнению самого Горбачева, роспуск Советского Союза был исторической ошибкой. Он верит, что единое государство можно было сохранить в более гибкой и демократической форме подлинно добровольного объединения республик и народов, соединенных общей историей, культурой и интересами. Похоронили СССР, по его убеждению, инициаторы двух путчей 1991 года, августовского и декабрьского (беловежского). Одни, намереваясь восстановить сталинскую модель централизованного государства, другие, желая избавиться от союзного центра ради своих клановых интересов.

Но, справедливо обличая августовских и декабрьских путчистов, Горбачев не вправе забывать о своей ответственности. И хотя по-человечески его можно понять — главе государства трудно смириться с клеймом его «разрушителя», — ему стоит признать очевидное: именно он, Михаил Горбачев, и его попытка реформы советской системы разрушили государство, покоившееся на двух опорах, — утопии большевистского проекта и принуждении как основном способе его реализации.

Здание Советского Союза рухнуло после того, как перестройка лишила его и того, и другого. Теперь речь могла идти только о поиске бескровного выхода из исторического тупика, в котором оказалась Россия после семидесяти лет коммунистического эксперимента.

То, что последняя мировая империя, набитая, как пороховой погреб, тысячами ядерных боеголовок и накопившая за царистские века и советские десятилетия взрывоопасный резерв насилия, притеснений и национальных обид, самораспустилась цивилизованным образом, выглядит как политическое чудо.

И если первому и последнему президенту СССР психологически трудно этим гордиться, то, по крайней мере, нет причины этого стесняться, ибо всякий раз, когда надо было выбирать между насилием ради спасения бюрократического государства и демократическим процессом, Горбачев выбирал демократию, предпочитая ее принуждению.

Часть первая

**ПРОЩАНИЕ
С УТОПИЕЙ**

«ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ»

В марте 1985 года, когда Михаил Сергеевич Горбачев единодушно, сначала голосованием членов Политбюро, а потом под аплодисменты членов ЦК КПСС был избран генеральным секретарем, Ни партийные бонзы, ни он сам не могли предвидеть, что, став седьмым по счету вождем партии и, следовательно, главой Советского государства, он будет последним на этом посту.

Смерть К. У. Черненко 10 марта 1985 года вряд ли кого удивила, особенно после того, как о ее неумолимом приближении оповестила всю страну показанная по телевидению тягостная сцена его голосования на выборах в «избирательном участке», сооруженном рядом с его больничной палатой. Тем не менее казалось, что тогдашнее партийное руководство она застала врасплох.

В отсутствие каких бы то ни было легальных институтов и традиций преемственности в руководстве советской власти и, естественно, при полной невозможности вслух обсуждать ее при

живом (даже полуживом) начальнике, близкому окружению очередного вождя оставалось ждать финала затянувшейся пьесы и даже в ней усердно участвовать, а потом наспех импровизировать. Так было и на этот раз.

Хотя по негласному ранжиру членов Политбюро, порядку упоминания в депешах ТАСС, рассадке в различных президиумах и месту, отведенному на трибуне мавзолея во время государственных праздников, отвечавший за идеологию М. С. Горбачев к марту 1985 года занимал позицию второго лица в партии, это еще ничего не значило. И в самом Политбюро, и в спрессованном за долгие годы брежневско-черненко-вском аппарате ЦК у него были весьма могущественные противники. Поэтому при решении вопроса о новом генсеке были «возможны варианты».

Однако на этот раз составлявший большинство членов ЦК второй эшелон «засидевшихся» областных партийных руководителей был отнюдь не настроен послушно одобрить любую рекомендацию своих маршалов. После трех похорон генсеков, происходивших на Красной площади с регулярностью государственных праздников, и перед лицом неуклонно накапливавшихся в их регионах и в стране проблем они были готовы открыто восстать против партийных старцев, не дававших им дороги, если бы те в очередной раз решили навязать им кого-то из своих.

Выступление «засадного полка» из числа участников пленума, ведомого Лигачевым и Рыжковым, не понадобилось. Вопрос о «бескровном» избрании нового генсека предрешил стратегический пакт, заключенный в канун заседания Политбюро Горбачевым с А. А. Громыко, последним после смерти Андропова и Устинова членом могущественной тройки, управлявшей Брежневым, а через него всей страной. Сразу после начала заседания Андрей Андреевич взял слово на правах политического патриарха и, не дав себя никому опередить, предложил на должность генсека Горбачева.

Гвоздь в окончательное решение вопроса по шляпку забило выступление председателя КГБ Чебрикова, заявившего, что «чекисты поручили ему назвать кандидатуру Горбачева». «А, как вы понимаете, — напомнил членам Политбюро Чебриков, — голос чекистов — это и голос народа». В результате принятие судьбоносного решения свелось к состязанию участников заседания в выражении лояльности новому «хозяину».

Однако за привычным энтузиазмом, с которым Пленум (стоя) приветствовал нового лидера, скрывалось тогда еще трудно различимое сочетание разных и даже противоположных мотивов и ожиданий. Притом что почти все считали: дольше перемены откладывать нельзя, у людей, аплодировавших в этот день Горбачеву, были весьма

разные представления о том, как они должны выглядеть.

Одно, по крайней мере, казалось очевидным: под новым генсеком, в отличие от его предшественников, придется жить (и служить) долго, хотя бы из-за его неприличного по кремлевским стандартам молодого возраста — ему едва исполнилось 54 года. (Правда, тогда еще никто, включая самого Горбачева, не мог себе представить, что отведенный ему срок окажется таким коротким.)

Должность генсека превращала Горбачева, возможно, в самого могущественного политического руководителя на международной арене. В отличие от его западных партнеров, он не должен был опасаться ни политической оппозиции, любые проявления которой в зародыше подавляли созданные для этого «органы», ни нападок или расследований со стороны независимой прессы, ни заботиться о перспективах собственного переизбрания, поскольку полученный им пост был пожизненным. Ему не грозили ни процесс импичмента в духе Уотергейтского, ни сюрпризы новых выборов.

На международной арене Советский Союз, надежно прикрытый своей военной мощью, и в особенности ядерным щитом, комфортно расположился в одном из двух кресел властителей мира — статусе, который он делил только с американским лидером западного мира.

Советское господство над Восточной Европой и разделение Германии казались увековеченными. Принятый в 1975 году Заключительный акт Хельсинкского совещания, в то время считавшийся выдающимся достижением советской дипломатии, стал подписанным Западом нотариальным свидетельством закрепления раздела Европы, одобренным в 1945 году в Ялте.

Западная Европа на всякий случай была взята на прицел советскими ядерными евrorакетами СС-20, а Берлинская стена превратилась практически в привычную часть европейского ландшафта, почти столь же незыблемую, как кельтский Стоунхендж эпох неолита или остов Колизея.

Характеризуя стратегическое влияние СССР в эти годы, канцлер Российской империи XVIII века Александр Безбородко, мог бы, будь он жив, прошептать в уши советским руководителям ту же лестную фразу, которой он ублажал слух Екатерины Великой: «Ваше Величество, будьте уверены, ни одна пушка в Европе не может выстрелить без Вашего согласия». Он мог бы при этом заменить слово «Европа» на «весь мир».

Однако, заняв место на «Высоте», новый руководитель партии и страны Горбачев, как, кстати, и многие из его коллег, жившие и работавшие в «глубинке», отдавал себе отчет в том, что за впечатляющим фасадом мировой сверхдержавы скрывался пейзаж кризиса и упадка, ставший ре-

зультатом 60-летних усилий по реализации утопического большевистского проекта.

К началу 80-х страна, претендовавшая на то, чтобы возглавить прогресс человечества, все больше отставала от современности. Неуклонно расширявшийся разрыв между универсальным историческим временем и внутренним «советским летоисчислением», в котором была обречена жить огромная страна, не мог существовать бесконечно.

Оптимистический прогноз Н. С. Хрущева, сформулированный в его докладе на XXI Съезде партии: «к 1967 году, а может быть даже еще раньше, Советский Союз выйдет на первое место в мире как по цифрам абсолютного производства, так и по показателям на душу населения, что ознаменует историческую победу социализма в мирном соревновании с капитализмом», — к 70-м годам был благополучно забыт. Патриарх американской советологии Джордж Кеннан писал: «Большевики всерьез верили в то, что они открыли антизападный вариант модернизации, но эта иллюзия выдохлась после того, как в 70-е годы страна вошла в период длительной стагнации».

Экономика одной из богатейших стран мира находилась «на искусственном дыхании», полностью завися от торговли ее природными ресурсами. Экономический рост фактически прекратился. Если в 1966–1970 годах темпы роста советской

экономики достигали 7,8%, то в 1971–1975 годах они опустились до 5,7%, в 1976–1980 годах – до 3,2 и до 2,7% в 1981–1985 годах, приближаясь к нулевому и даже «отрицательному росту», означая системный кризис.

Сельскохозяйственное производство этой исторической мировой «житницы» было не в состоянии прокормить собственное население, выживавшее за счет закупок продовольствия в обмен на нефть и газ, а также труда на приусадебных участках. И поскольку в это время мировые цены на нефть упали до 12 долларов США за баррель, страна потеряла две трети прежней выручки от ее экспорта.

Советская наука и технология, подчиненные потребностям оборонного сектора экономики, с каждым годом все больше отставали от мирового уровня, сдавая свои позиции в международном научном и техническом соревновании одну за другой. В 1960 году лучший советский компьютер по своим характеристикам отставал от лучшего американского на девять лет, пять лет спустя разрыв составил уже четырнадцать лет.

Результатом узурпации власти партийной элитой, никому не подчиненной и не подотчетной, была атмосфера духовного и политического гнета, невозможности свободного слова и прессы, подавления большинства гражданских свобод, начиная с права выбора собственных руководителей и запрета на выезд за границу.

Можно сказать, что из-за специфики своей истории Россия стала площадкой для постановки эксперимента по определению предельного срока жизни утопии «в одной отдельно взятой стране».

Выиграв Вторую мировую войну, Советский Союз проиграл мир, потому что заложенная в его фундамент изначальная большевистская модель, рожденная войной, сначала мировой, а потом гражданской, в условиях мирного времени оказалась нежизнеспособной. Приспособленная больше для ведения «перманентной войны», чем «перманентной революции», она неизбежно провоцировала новые баталии — гражданскую, классовую, войну с врагами народа, «холодную войну».

По мере того как образованное, современное, не уступающее Западу советское общество погрязло в маразм, все больше отставая от мировой науки, экономики и исторического времени, заживо забальзамированное руководство страны имитировало управление второй по значению мировой державой. Ради этого, отрывая средства от развития экономики и удовлетворения социальных нужд населения, оно перекачивало их в единственную сферу, в которой СССР имел шанс состязаться с Западом, — оборонный бюджет.

Военно-промышленный комплекс поглощал колоссальные ресурсы, энергию и творческий потенциал самых квалифицированных кадров, на

оборону работало до 90% научных кадров. В начале 1985 года ни одна другая страна в мире не тратила на оборонные нужды такую долю национальных богатств в расчете на душу населения, как Советский Союз.

На обслуживание запросов ВПК и подготовку к гипотетической новой войне с неясным противником уходило от 40 до 60% валового национального продукта. Несмотря на видимую сверхвооруженность СССР, эта ситуация вела на деле к ослаблению нашей безопасности и фактически разоружала страну перед лицом быстро уходивших вперед соперников, лишая возможности противостоять реальным новым вызовам, а не архаичным угрозам прошлых войн.

Превратившись в громадный военный лагерь, который должен был устрашать остальной мир, Советский Союз представлял угрозу и для собственного населения. Идеологический и стратегический экспансионизм этого супервооруженного колосса неизбежно генерировал атмосферу конфронтации, направленной во все стороны, регулярно провоцируя опасные международные кризисы.

Стоит в этой связи напомнить образ, приведенный Генри Киссинджером, который сравнивал поведение лидеров двух сверхдержав с дракой двух то ли слепых, то ли завязавших себе глаза гигантов, размахивавших в воздухе дубинами. О чем Киссинджер не сказал, так это о том, что

этим опасным занятием двое громил занимались, находясь в стеклянном доме, вооруженные к тому же ядерными дубинами.

При этом, не довольствуясь статусом-кво в противостоянии со своим историческим соперником — США, кремлевские правители, считая, что они могут воспользоваться стратегическим отступлением Америки после унижения во Вьетнаме и краха шахского режима в Иране, решили передвинуть пограничные столбы на линии разграничения зон влияния с Западом, пустившись в авантюру афганской войны.

Растянувшаяся на десятилетие афганская война, ставшая советским Вьетнамом, унесла пятнадцать тысяч жизней наших солдат и, по некоторым оценкам, почти два миллиона жизней афганцев, превратив Советский Союз в глазах «третьего мира» из бывшего союзника в империалистическую державу. Соперничая с США в этом чувствительном и опасном регионе мира, мы, в сущности, сообща разбудили мусульманский фундаментализм и породили нынешних талибов.

За внешнеполитические авантюры руководства страны и поддержание престижа и статуса мировой сверхдержавы население должно было расплачиваться постоянным снижением уровня жизни, в результате чего по показателям реальных доходов населения СССР оказался далеко позади развитых стран Запада. «Мы окружены не армиями агрессоров, — скажет Горбачев на одном